

ГОТОВА в 1984 году очерк «Федор Абрамов: письма, встречи», я по ряду причин кое-чего недосказал, отделался фразой, что, о чем бы мы ни беседовали, опять возвращались к судьбам российской деревни. Поэтому теперь, в пору гласности, считаю своим долгом поведать это недосказанное без комментариев, но строго следуя тогдашним моим записям, сделанным по свежему следу, что, хочется надеяться, дополнит некими штрихами живой портрет писателя, содействовавшего приближению ныне проводимой в стране перестройки.

При встрече 2 августа 1977 года в его родной Верколе у нас первоначально речь зашла о новой (брежневской) Кон-

ституции, о которой было порядочно одобрительного шума в печати. — Что о ней сказать? — отозвался Федор Александрович. — Не вижу я особой разницы со старой, сталинской. Не Советам по существу будут руководить, а партия. А что такое партия? Это секретарь райкома, секретарь обкома и так далее. Что они скажут, так тому и быть. Рядовые члены обязаны соглашаться, поддерживать их. Партийный диктат своего рода получается.

— А как вы смотрите на диссидентов, о которых много говорят на Западе? — Романов, член Политбюро, звонил мне в Ленинграде, просил меня высказаться и о новой Конституции, и об этих диссидентах — инакомыслящих. Я отказался. Сказал, что человек я малоизвестный. Тут он наговорил мне кучу лестностей, но мы так ни до чего и не договорились. После этого разговора мое имя, замечая, стало реже упоминаться в газетах. Но что я мог сказать о диссидентах? Я их просто-напросто не знаю, а одностороннее знание, знание понаслышке — это не знание. Но, с другой стороны, всякий мыслящий человек не может не мыслить по-своему, иначе, чем другие, у каждого может быть свое мнение. Это естественно и неизбежно, и с этим надо считаться. Возьмем, скажем, вопрос классовой борьбы. Я не отрицаю классовой борьбы, но и не возвожу ее в абсолют. Пожалуй, лучше было бы, если бы мы не забывали христианских заповедей любви, добра и справедливости. Не могу принять я и революционную ломку, мне больше по душе эволюционное развитие.

— Но что бы было с Россией, если бы не было революции? — спросил я его в этом месте.

— Что было бы? Жила бы Россия. Но я не ту, не Октябрьскую революцию имею в виду, хотя и с ней не могу целиком согласиться... Насильственная коллективизация... Мы отступили от ленинского кооперативного плана, перегнули палку, а постепенное кооперирование крестьян, как предлагал Ленин, не привело бы к тем тяжким последствиям, к каким теперь пришло наше сельское хозяйство. И чем дальше, тем хуже может быть. Ведь что получилось: десять миллионов русских мужиков было загублено в войны первую мировую, гражданскую и при последующей коллективизации, то есть раскулачивании. И каких мужиков — настоящих хлеборобов! А тут вторая мировая война, рабский труд в колхозах. У мужика отбили тягу к земле, земля ему стала не нужна — бывало ли такое в России! Не стало у него никакой личной заинтересованности хорошо работать. А это ведь главный двигатель. Чем вы его замените? Социализмом? Мужик развращен, разленится, на все общественное смотрит как на казенное, чужое. Кругом бесхозяйственность, равнодушие, никто ни за что не отвечает, настроение потребительское, мечущееся в деревню залетает.

— Ну и какой же выход? — Систему надо менять. Все дело в системе. По-другому надо хозяйствовать. Ну, не смех ли: хлеб покупаем в Америке, завозим мясо, масло. Без изменения системы хозяйствования нам не преодолеть трудностей в экономике, особенно в сельском хозяйстве.

— Между прочим, — вставил я тут, — близкий мне человек под конец своей жизни оценил колхоз.

— А когда он умер? — В пятьдесят третьем.

— И как оценил? — В начале тридцатых годов он вошел в колхоз с большой неохотой, под нажимом. Беспорядок, обезличка, плевое, неравное отношение к делу, к земле, какое

К 70-летию
со дня
рождения
Федора
АБРАМОВА

Федор АБРАМОВ
в родной деревне.
Фото Р. КУЧЕРОВА

человек по своей природе не равен: один — более одарен, другой — менее, один — лентяй, другой — труженик. Уравниловка приведет к печальным последствиям, если будет совсем подавлена личная заинтересованность. Это, кстати, все больше и больше начинает проникать в сознание людей, включая власть имущих. Рано или поздно, а дорогу личной инициативе, личному предпринимательству давать придется.

Коснулись Сталина. Федор Абрамов в его деяниях видел одно зло, не склонен был приписывать ему и военных заслуг в годы Великой Отечественной войны, оставался нетерпимым к проявлениям культа личности в любом виде, в том числе и культа, возникшего вокруг Хрущева с его шараханьями и ставками в развитии сельского хозяйства то на реорганизацию управления и агрогорода, то на кукурузу и торфоперегонные горшочки, то на распашку лугов и еще на что-нибудь. К Брежневу же с его патологической страстью к чинам, наградам, подаркам, целованиям при отъездах и встречах (начало последнему положил Хрущев) он относился не то чтобы снисходительнее, а с грустной иронией.

Во время нашей встречи в Ленинграде в сентябре 1978 года мы снова заговорили о деревне.

— Скажите, — задал я заранее приоткрытый вопрос, — куда же мы идем с этой центральной нашей проблемой — сельским хозяйством? Как, чем лечить его недуги?

— Прежде всего не надо отрывать сельское хозяйство от всей нашей экономики, — поправил он меня. — Все взаимосвязано. От Запада теперь мы очень зависимы, становимся, можно сказать, полуколонией, сырьевым его поставщиком. Что мы вывозим? Нефть, руду, икру, кра-

бы, водку еще, а сами мало чего нужно для народа производим, а если и производим, то скверного качества. Народ заграничным гоняется. На руках у людей неотворенных денег уйма. А какая у нас производительность труда? Работаем ведь только на десять—пятнадцать процентов наших возможностей, а надо хотя бы на девяносто. Вот где наши беды. Люди, выходит, не заинтересованы с полной отдачей работать, а мы кадим им, называем их героическими тружениками и тому подобное. Всюду безответственность, воровство, штатные излишества в конторах. Все дело, повторюсь, в нашей системе хозяйствования, систему надо менять, а на это нынешнее наше руководство не пойдет. То же у нас и с политической системой. Одни выборы без выбора чего стоят...

так, чтобы он был не работягой, а творцом. Я не хвалю старое время, но в старое время крестьянин вступал в творческое отношение с землей... Сселение крестьян в центральные колхозно-совхозные усадьбы из деревень, признанных кем-то неперспективными, происходит по чиновничьи, без спроса их, какие дома им нужны. Предлагаются «хрущобы»... Надо создать такие условия, чтобы человек мог осесть, устроиться в деревне крепко, навсегда. Без этого наша нива будет плохо кормить нас.

Все эти его высказывания теперь никого не удивят, но в то время они казались чересчур смелыми, даже дерзкими, и я, признаться, побаивался за участь Федора Александровича, ибо одно дело — говорить такое один на один, и совсем другое — с переполненной, разношерстной аудиторией, в которой могли вестись и магнитофонные записи.

Из тридцати с лишним вопросов, заданных ему, остановлюсь только на четырех.

— Ваше отношение к колхозам?

— Сложное. Сам по себе колхоз как форма кооперации — хорошее дело. Это еще от дореволюционной деревенской общины, от кооперативов, артелей, товариществ идет. Но у нас допускались очень большие перегибы с самого начала. Колхоз не был, как предусматривалось уставом, самостоятельным, он не мог вступать в равноправные отношения с себе подобными, с другими организациями, с государством. Но в войну колхозы сыграли огромную роль. Теперь переходят на совхозы. Но дело тут непростое. Совхозы часто убыточны. Так иногда и планируются: за год от такого-то совхоза такой-то убыток. В колхозе больше проявляется личность человека, человек в нем ближе к земле. В совхозе это утрачивается.

— В чем причина наших бед в сельском хозяйстве?

— Главная причина — пассивность, равнодушие людей, безразличие. Это наша беда как в городе, так и в деревне. Сказывается еще застарелая российская болезнь: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

— Отчего были перегибы?

— Оттого, что пассивность внизу. — Товарищи Абрамов! Вы много ездите по областям. Как обстоят дела с пьянством?

— Увы, увы и ах! Пьет православный народ. Пьет. В основе пьянства лежит неудовлетворенность жизнью, неудовлетворенность работой. Это социальная болезнь.

Последняя моя специальная встреча с Федором Абрамовым была 25 апреля 1981 года в его квартире на Васильевском острове. Сначала поговорили о его здоровье, о том о сем, а затем Федор Александрович, как заботливый о госте хозяин, спросил меня:

— Чай пить будете?

— Нет, спасибо. Я пришел к вам с вопросами.

— Да-а? Ну тогда выкладывайте.

— Первый: куда мы идем и к чему идем?

— Что я — пророк, что ли? — усмехнулся он.

— Второй — Польша, третий, главный, — Афганистан.

Федор Александрович сразу же серьезно углубился в кресло, втянул голову в плечи, задумался и лапидарно, взвешенно принялся отвечать:

— Начнем, пожалуй, с последнего — с Афганистана. Что тут сказать? Не надо было нам вводить туда свои войска. Это большая ошибка. Надо было другими способами решать проблему, раз уж она возникла. А то как-то на империалистическую политику смахивает. Незачем нам проводить такую политику, у нас своих, домашних дел хватает, надо у себя дома навести порядок. О польских событиях я плохо, односторонне информирован. Но свободные, независимые профсоюзы, по моему, не такое уж плохое дело. А на первый вопрос я уже ответил. Придавлен у нас народ, по-прежнему диктатура, культ Брежнева процветает, гласности нет.

— Но гласности у нас, кажется, все же побольше стало, — высказал я свое сомнение.

— Как сказать. Широкая гласность нам как воздух нужна.

Вот те главные мысли Федора Абрамова, которые оказались мною недосказанными в очерке о нем.

Григорий КУЛИЖНИКОВ